

УДК 821.161.1

doi: 10.18101/1994-0866-2017-3-161-168

«НАСТОЯЩИЙ ЖЕНСКИЙ ХАРАКТЕР»: МОТИВ ПРАВЕДНИЧЕСТВА В ОЧЕРКЕ В. АСТАФЬЕВА «ПРУНЯ»

© *Гончаров Петр Андреевич*

доктор филологических наук, профессор,
Мичуринский государственный аграрный университет
Россия, 393760, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101
E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

© *Гончаров Павел Петрович*

кандидат филологических наук, доцент,
Мичуринский государственный аграрный университет
Россия, 393760, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101
E-mail: pascha.gi2015@yandex.ru

В статье исследуются сюжетобразующие и иные функции мотива праведничества в очерке В. Астафьева. Прослеживаются различные этапы развития данного мотива как в прозе традиционалистов в целом, так и в творчестве В. Астафьева в частности. Доказывается положение о том, что праведничество является основой характера и судьбы главной героини очерка «Паруня», проводятся параллели между астафьевским очерком и рассказом А. Солженицына «Матренин двор», характеризуются цели и результаты исправлений в структуре очерка, произведенных писателем в 1985 г. Подчеркивается связь проблематики очерка с духовными исканиями русской культуры, основанными на христианских традициях, с другими произведениями художника, литературой Сибири, «деревенской прозой», органичность для многих сюжетов В. Астафьева и русской литературы второй половины XX в. мотива праведничества и оригинальность его репрезентации в конкретном тексте.

Ключевые слова: В. Астафьев; мотив; праведничество; сюжет; очерк; «деревенская проза».

Праведники и праведницы русской литературы второй половины XX — начала XXI в., вероятно, в самой малой степени воспринимают себя в качестве таковых. Абрамовским «братьям и сестрам», шукшинским «чудикам», вампиловским сибирякам-провинциалам, залыгинским мужикам-философам, распутинским «старухам» невдомек, что праведничество — доминирующее свойство их таких различных натур. В шутивно-ироническом плане такую типичную «заниженную самооценку», связанную прежде всего с отсутствием благоговения перед собственной персоной, доходящим иногда до границы с самоуничижением, дает «несвятая святая» «матушка Фрося». Увидев свой портрет в ряду подвижников Дивеевского монастыря в «очень красивом иллюстрированном журнале», она восклицает: «Фроська! И ты здесь?! У, глаза бесстыжие!» [1].

Праведничество — феномен, ассоциирующийся с древнейшими аксиологическими, этическими и эстетическими представлениями человечества. «Ной праведный» наряду с праведными Даниилом и Иовом предшествовали

в числе праотцев, в соответствии с библейской историей, многим пророкам, апостолам, святым, признаваемым во всем христианском мире. Естественно, что в основе праведничества находятся жизненные принципы, освященные религиозной традицией, но присутствие этой традиции по тем или иным причинам может быть приглушено временем и обстоятельствами. Для русской литературы советского периода таким обстоятельством, безусловно, была господствовавшая в обществе государственная атеистическая идеология.

Упомянутая выше героиня архимандрита Тихона (Шевкунова) так характеризует эту совсем недавнюю эпоху: «Вы все семьдесят лет в плену пробыли. Понимаете вы это, нет? Мы же в плену жили у советской власти. Это же плен! А дальше не знаю, что будет... Куда пойдет? Я только слыхала от одного человека, не скажу его имени, а только он сказал: “Кончилось царство Хамово!”» [1]. Как нам представляется, упомянутый политический «плен», в свою очередь, был подготовлен пленением мировоззренческим: торжеством атеистических концепций мироздания, проповедуемых в том числе и русской литературой рубежа XIX–XX вв.

Необходимо отметить, что в литературных произведениях этого и последовавших за ним периодов русской культуры многие доминирующие свойства «положительных героев» так или иначе ассоциируются с традиционными представлениями о правде, праведности: герои горьковских рассказов и повестей готовы жертвовать жизнью за «друзья своя», а персонажи драмы «На дне» пытаются обрести «праведную землю». Символ советской эпохи Павка Корчагин не только готов отдать, но и отдает свою жизнь за счастливое будущее, а его аскетизм родственен аскетизму многих почитаемых христианских святых. Шолоховский Григорий Мелехов в поисках правды находит её, подобно праведному Ною, в труде земледельца и т. д. Однако и эти, и многие другие писатели первой половины XX в. сознательно противопоставляли себя якобы архаичной этической традиции. Лишь с рождением так называемой «деревенской прозы» представления об «идеальном герое» все более открыто ассоциируются с этикой одного из уцелевших в исторических изломах сословия — русского крестьянства, само название которого напрямую связано с традиционной для России системой нравственных ценностей.

Характерно, что писатели этого направления пытаются передать свою боль, связанную с утратой большинством религиозных ориентиров, духовных скреп, делающих население народом, нацией. Вот впечатления автора-рассказчика после похорон Матрёны Григорьевой, после совместной поминальной молитвы, тройного повтора «вечной памяти»: «Но голоса были хриплы, розны, лица пьяны, и никто в эту вечную память уже не вкладывал чувства» [8, с. 144]. «Хриплые» и не гармонизированные общим чувством голоса вместе с «пьяными лицами» суть детали и знаки упадочного разобщения в народе.

Эту же характеристику эпохи озвучивает герой Тихона (Шевкунова), прозаика, ставшего известным уже в XXI в., архимандрит Серафим: «Жертвенного самоотречения и решимости на монашеский подвиг в нас все меньше» [1]. И первая, и вторая цитаты заключают в себе констатацию гегемонии всеобщего безбожия в 20-м столетии. Русской литературе второй половины

XX в. свое возвращение к христианским идеалам пришлось начинать почти заново: с пантеизма, восходящего к дохристианским верованиям обожествления живой и неживой природы. Пантеистские идеи господствуют в «Русском лесе» Л. Леонова, преобладают в одной из первых оригинальных повестей В. Астафьева — в его «Стародубе», в котором лицемерно-ханжеским законам деревни Вырубы противостоят боготворящие тайгу и природу персонажи.

Но «Стародуб» — первая отправная точка в движении Астафьева к герою-праведнику. Конечной точкой в этом движении окажется полуполюгендарная староверка Секлетинья и ее внук, воин Великой Отечественной, Коля Рындин.

Очерк «Паруня» (1977) — промежуточный, но важный этап в эволюции астафьевских представлений о праведничестве. В одно время с ним выходили главы «Последнего поклона», в котором сибирская крестьянка Катерина Петровна Потылицына имеет в числе прочих качества, сближающие ее с героями-праведниками.

В истолковании В. И. Даля «*праведник, -ница*, праведно живущий; во всем по закону Божьему поступающий, безгрешник» [4, с. 380]. В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой находим несколько иное толкование понятия «праведный»: «Тот, кто строго придерживается правил религиозной морали. Строго придерживающийся правил религиозной морали; безгрешный. Отвечающий правилам религиозной морали». В качестве устаревшего значения здесь же приводится и следующее: «Соответствующий идеалу нравственной чистоты и справедливости» [5, с. 569]. Как видим, с течением времени представления о праведности, в отличие от обстоятельств реальной жизни, практически не изменились. Знаменитый русский философ И. А. Ильин в те годы, когда в России торжествовала идеология государственного атеизма, в изгнании, вдали от родины утверждал: «...душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в его земных явлениях: в правде, праведности и красоте» [6, с. 7]. Таким образом, благодаря И. Ильину мы имеем еще одно толкование праведности — «земное явление» Бога.

Очерк «Паруня» по канонам художественно-публицистического жанра имеет источник в реальной действительности — впечатления и воспоминания о жизни в деревне Быковка близ Камского водохранилища, что на Урале. Паруня — Парасковья Александровна Воронова — реальная жительница этой деревни, ставшая близким другом всей семьи писателя. Причем дружба эта была такой силы, что побудила автора очерка расстаться с одним из братьев по писательскому цеху: «... в Быковке гостил у меня довольно известный писатель, что в книгах своих и в застолье не устает распинаться “за народ”. Так вот этот самый “народник” не стал пить из одного стакана с Паруней, погребовал, а я, хорошо его знающий, точно ведаю: Паруня чище его и душой, и телом, и помыслами — и оттого запретил ему бывать в моей избушке» [2, с. 63–64].

Сам Астафьев предельно скромно отозвался о своем очерке: «Я очень редко и мало писал и пишу о тех местах, где мне хорошо жилось и работалось.

<...> Быковка та была и осталась в моей жизни самым добрым и плодотворным временем. Здесь я начал “Последний поклон”, докончил “Кражу”. С неистовым озарением, за три дня нагвоздил черновик “Пастуха и пастушки” <...> Удалось ли до конца, наверное, нет, передать мне словом всю мою любовь, всю мою печаль, трепет мой, но, видит Бог, я стремился изо всех сил, стремился передать все свои лучшие чувства, которые я испытывал, живя в этом неприметном, самом дорогом сердцу, после родной деревни, уголке русской, уральской земли, к людям, что его населяли, и прежде всего к незабвенной российской труженице — Паруне» [2, с. 351].

«Паруню» Астафьев писал в Вологде, спустя почти десять лет после своего отъезда из Перми. Идеализированные образы далекого и недалекого прошлого составляют основу положительного полюса астафьевского мироздания. Как с высоты конца 1950-х — 1970-х гг. Астафьев смог увидеть поэзию собственного детства в сибирской деревне Овсянке, так в вологодский период своего творчества он воссоздает ставшую для него дорогой уральскую деревню Быковку, персонифицировав её в образе Паруни.

Паруня — олицетворение русской женщины вообще, в ней, по утверждению писателя, «воплотился весь облик и характер женщины-россиянки» [2, с. 351]. Очерк «Паруня» Астафьев не случайно завершает восклицанием: «Мир праху твоему, русская женщина!». Вероятно, поэтому Астафьев сближает ее с другими женскими образами русской литературы: с главной героиней рассказа А. Солженицына «Матренин двор», с безответными труженицами Ф. Абрамова, В. Белова. Они имеют много общего в драматических судьбах, близки своим трудолюбием, кротостью, добротой, безотказностью, тактом, душевной робостью и другими свойствами души.

Что касается созвучий с солженицынской Матреной, то воссоздаваемые в подцензурном произведении Астафьева черты сходства героинь призваны были не только еще раз утвердить близость созвучного для обоих писателей взгляда на бесспорные свойства русского человека, но и напомнить читателю о присутствии (пусть лишь аллюзивном, ассоциативном) в русской литературе идей и образов «вермонтского затворника».

В астафьевском очерке «Паруня» читаем: «Но вот пришла огородная пора, и ожила деревушка Быковка. Из угарных, скособочившихся изб вышли на свет хозяйки; принялись чинить городьбу, жечь огородный хлам и прошлогоднюю картофельную ботву; кислым дымом из огородов потянуло; за соседней баней проорал руководящим голосом петух, взмыкнула корова, а вон и давно привычный крик слышен: “Парушка! Ты завтра приходи на помочь!..” В Быковке издавна все делается артельно. Поодиночке женщинам было бы с жизнью не совладать. Первой в работе, любой, особенно которая потяжелее, всюду была и есть Паруня» [2, с. 61]. Астафьев призыв о помощи, обращенный к Паруне, делается частью присущих уральской весне природных голосов. Призывный «крик» идет в продолжение петушиного крика и взмыкивания коровы. Как вся Паруня есть необходимая часть уральской деревни, так и бескорыстная ее «помочь» воспринимается в качестве продолжения органики русской жизни.

Сцена оказывается предельно, до деталей созвучной эпизоду из жизни владимирской деревни в рассказе А. Солженицына: «Но не колхоз только, а любая родственница дальняя или просто соседка приходила тоже к Матрене с вечера и говорила: — Завтра, Матрёна, придешь мне пособить. Картошку будем докапывать. И Матрёна не могла отказать. Она покидала свой черёд дел, шла помогать соседке» [8, с. 123]. Перекликаются с отношением к Паруне родственников отзывы о Матрёне ее золовки: «и нечистоплотна она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросенка не держала, выкармливать почему-то не любила; и, глупая, помогала чужим людям бесплатно» [8, с. 145]. Интересен здесь комментарий автора-рассказчика: «Что может быть легче — выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме еды!» [8, с. 146]. Но если для Солженицына выкармливание «жадного поросенка» — занятие постыдное для праведницы, то астафьевская Паруня не только выращивает Путика, но готова его, ею спасенного, «в пяточок» расцеловать. Авторитет Солженицына не мешал Астафьеву иметь свой взгляд и не только на малозначительные детали сельского быта.

В изображении и по мысли В. Астафьева, Паруня — земной праведник. Она всю жизнь проработала на земле: «Трудиться стала с четырнадцати лет, потому что рано осиротела». В войну «работала, как все колхозники, дни и ночи, не разгибаясь, в старой телогрейке, в лаптях, которые зимой часто примерзали к ногам» [2, с. 62]. Труженическое начало сближает её с другими персонажами советской «деревенской прозы». Но астафьевская Паруня — это не дань литературной моде, а результат обращения к тому пласту русской жизни, в котором праведное начало сумело сохраниться. Характерно, что А. Солженицын в качестве первоначального названия своего рассказа о женщине подобного типа предполагал «Не живет село без праведника», лишь позднее замененное на лишенное назидания название «Матренин двор». Интересно, что В. И. Даль приводит в своем толковании понятия «праведник» более полный, в сравнении с солженицынским, вариант пословицы: «Не стоит город без святого, селение без праведника» [4, с. 380]. Поэтому разговор о праведности, праведничестве астафьевского персонажа имеет основания не только в реалиях жизни, но и в широкой культурной традиции, в литературном контексте 1960–1980-х гг. «Матренин двор», его финал заключают в себе горькое прозрение-назидание: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша» [8, с. 146].

Такая открытая назидательность сближает Солженицына с Астафьевым. Но здесь заключено и некое своеобразное пророчество: ведь после ухода Матрёны, шукшинских «светлых душ», вампиловских сарафановых и еремеевых, распутинских «старух», астафьевской Катерины Петровны и Паруни не устояла «земля наша». Праведники русской литературы, подобно «Ною праведному», не только зовут к спасению, но и выполняют пророческую функцию.

Обстоятельства жизни Паруни таковы, что она вне брака рождает, а затем теряет ребенка, у неё нет своей семьи, поэтому всё заработанное ею в совхо-

зе она отдаёт семье своего больного туберкулезом брата. Работа Паруне достается самая тяжелая и грязная — она ухаживает за свиньями и телятами, она пропиталась запахом навоза настолько, что ею «гребуют» не только астафьевские гости, но и родственники: «вонькая-де, свиньей пропахла», «голодная, замерзшая, придет под окно Паруня, стоит, смотрит, тихонько завывая, как собачонке, выбросят ей каравай хлеба, из её же муки испеченный, и дверь захлопнут» [2, с. 63].

В этом и других эпизодах очерка Астафьев явно полемизирует с канонами жанра советского очерка-портрета на производственную тему. Официальная идеология и массовая литература декларировали всеобщее равенство и почтение к любому труду (вспомним из «Разговора на крыльце» М. Исаковского: «Нынче всякий труд почетен...»), в реальной жизни далеко не все соответствовало гуманным декларациям. Однако, полемизируя с «официальным» взглядом на жизнь, с торжествующей «неправдой», В. Астафьев вынужден обратиться к традициям русской культуры, к устоявшимся представлениям о тяготах, всегда сопровождающих путь праведника. «Неправды», сопровождающие путь Паруни, хотя и не идентичны, но вполне созвучны гонениям, сопутствовавшим русским праведникам и праведницам. Обману от князя и гонениям со стороны муромских бояр подверглась творившая добро Феврония, гонения и насмешки от многих «московских людей» испытал Василий Блаженный, «уморён» голодом и лишениями во многом своими же «ворами» был собиратель русских земель патриарх Гермоген, сибирской ссылке, заточению и сожжению был подвергнут почитаемый в старообрядчестве Аввакум Петров. Интересно, что и в русском фольклоре судьба праведника определяется как трагическая: «Не нужны нам праведники, а нужны угодники, *т. е. нам угождающие*» [4, с. 380].

Финал астафьевского очерка по своему пафосу каноничен для советского очерка-портрета: «Улыбнулась жаворонку или солнцу Паруня и подалась дальше — догораживать свой огород, может, дрова пилить, может, козу и кур кормить, либо баню топить — любит она попариться, кости натруженные да простуженные погреть.

Идет Паруня — Парасковья Александровна Воронова, русская женщина-крестьянка. Дела ее ждут, миру невидимые, обыкновенные, земные» [3, с. 555]. Но рядом с утверждением торжества труженического начала в жизни (Паруня преодолела все «неправды», даже пенсию себе выхлопотала) в финале, как и в структуре других элементов очерка, не менее значимыми оказываются другие детали: Астафьев акцентирует традиционно крестьянское начало в Паруне, и это сближает очерк с «деревенской прозой»: это не совхозный бригадир воспитал в Паруне трудолюбие, кротость, бессребренничество, артельность, аскетизм, а тысячелетняя деревенская крестьянская традиция.

И. Ильин призывал в свое время: «Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах» [6, с. 6]. Как явствует из истории русской литературы, призыв философа не остался без отклика.

В 15-томном собрании сочинений В. Астафьева очерк «Паруня» тоже занял свое место, но теперь он получил, помимо новой датировки (1977–1985), и другой финал. Сам писатель выделил его в отдельный элемент с особым заголовком: «Продолжение к “Паруне”, дописанное самой жизнью». Здесь идет речь об обстоятельствах смерти Паруни. Она умерла в забвении и одиночестве. «Мыши отъели у Паруни нос и уши, попортили лицо, продырявили глазницы» [2, с. 78]. Натуралистические детали этого нового финала выглядят скорее уже не только как полемика с идеологическими лекалами советского очерка, а как дань начинавшейся в 1985 г. «перестройке», с ее «чернухой» в средствах массовой информации и литературе тоже. В 1986 г. увидит свет астафьевский роман «Печальный детектив», где «чернуха» станет уже не довеском, а основой всего повествования.

Астафьевам известно, что существует мало произведений писателя, не подвергнутых им в той или иной мере редактированию, трансформации. Сам прозаик в их числе называет лишь повесть «Перевал». Возникает вопрос: с какой целью Астафьев обратился в 1985 г. к перечитыванию и редактированию очерка «Паруня», тем более что даже беглый текстологический анализ выявляет привнесение в очерк не только нового финала, но и рассуждений о некоем «пермском деятеле», укорявшем автора очерка в том, что тот не отразил «достижения» пермской деревни, других добавлений?

Наиболее адекватный ответ дает переписка В. Астафьева с критиком В. Я. Курбатовым. В предварении к изданной переписке с писателем Курбатов отмечает: «Тогда, в 1986 г., в первом номере журнала “Октябрь” вышел роман “Печальный детектив”. Я читал его в рукописи прежде, и мы говорили с Виктором Петровичем о несправедливой тяжести романа, нарушающей Господню правду жизни, в которой и непроглядная тьма всегда в конце концов уравновешивается искрой света и обещанием надежды. Астафьев понимал это лучше меня и говорил, что ждет только минуты, когда найдется настоящий женский характер, который всё и осветит, и выровняет» [7, с. 221]. Писатель в поисках «настоящего женского характера» обратился к своему недавнему очерку, ища, видимо, именно в нем черты и свойства, которые помогли бы ему «осветить и выровнять» «непроглядную тьму» запечатленной в «Печальном детективе» жизни. Но очерк о современной праведнице по определению не мог стать основой для образности романа о воцарившейся везде неправде.

Таким образом, мотив праведничества органичен для В. Астафьева как писателя-традиционалиста, отстаивающего представление о благотворной роли тысячелетнего этического опыта русского народа. Мотив праведничества является сюжетообразующим для ряда произведений этого писателя, в центре которых оказывается повествование о злоключениях героя в потерявшем нравственные ориентиры мире. Праведничество является сутью характера, земным явлением истины в судьбе главной героини очерка В. Астафьева «Паруня», созвучного многим произведениям традиционалистской литературы.

Литература

1. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. [Электронный ресурс]. — URL: http://royallib.com/read/tihon_shevkunov_arhimandrit/nesvyatie_svyatie_i_drugie_rasskazi.html#0 (дата обращения: 7.11.2016)
2. Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. — Красноярск: Офсет, 1997. — Т.8. — 352 с.
3. Астафьев В. П. Собр. соч.: в 4 т. — М.: Мол. гвардия, 1981. — Т. 4. — 558 с.
4. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Русский язык, 1990. — Т.3. — 556 с.
5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. — М.: АСТ, 2007. — Т.2. — 1168 с.
6. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. — М.: Эксмо, 2007. — 912 с.
7. Крест бесконечный. В. Астафьев — В. Курбатов: Письма из глубины России. — Иркутск: Изд-во Сапронов, 2002. — 512 с.
8. Солженицын А. И. Малое собр. соч. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — Т.3. — 287 с.

“A TRUE FEMALE CHARACTER”: THE MOTIVE
OF RIGHTEOUSNESS IN THE ESSAY "PARUNYA" BY VIKTOR ASTAFIEV

Petr A. Goncharov

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Department of Russian Language and Literature, Michurinsk State Agrarian University, 101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Russia

Petr P. Goncharov

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof., Department of Russian Language and Literature, Michurinsk State Agrarian University, 101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Russia

The article deals with fabula-forming and other functions of the motif of righteousness in the essay by Viktor Astafiev. The stages of this motif development in the prose of traditionalists in general, and in B. Astafiev's works in particular are traced. The article proves that righteousness forms the character and destiny of the heroine in the essay "Parunya", draws parallels between Astafyev's essay and A. Solzhenitsyn's novella "Matryona's Place", describes the aims and results of corrections in the structure of the essay made by the writer in 1985. We have emphasized the correlation between problems of the essay with the spiritual search of Russian culture based on Christian traditions, with other works of the artist, with the literature of Siberia, "village prose". It is concluded that the motif of righteousness is natural for many works of Astafiev and Russian literature of the second half of the 20th century.

Keywords: Viktor Astafiev; motive; righteousness; plot; essay; "village prose".